

2017 Том 10 No. 55

Карпинский К.В. Идентификационная функция смысла жизни

КАРПИНСКИЙ К.В. ИНДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ

English version: [Karpinski K.V. The Identity-forming function of meaning in life](#)

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается связь индивидуального смысла жизни с личностной и социальной идентичностью человека. Обсуждаются классические и современные концепции, рассматривающие смысл жизни в качестве предпосылки формирования, компонента строения и необходимого условия функционирования идентичности. На основе обобщения теоретического и эмпирического материала обосновываются психологические механизмы осуществления идентификационной функции смысла жизни. Показано, что смысл жизни служит в качестве субъективного идентификатора – того содержания внутреннего мира (самосознания), на основании которого человек, во-первых, устанавливает тождественность, непрерывность и континуальность собственного «Я»; во-вторых, соотносит себя с другими людьми, социальными группами, обществами и культурами, определяет собственное подобие и принадлежность к ним, вырабатывает чувство солидарности и сопричастности. В этой функции смысл жизни выступает психологическим средством, с помощью которого осуществляются операции сопоставления, противопоставления и идентификации в системах отношений «Я – не Я» (личностная идентичность) и «Я – Мы – Они» (социальная идентичность). Особое внимание в статье уделяется психологическим закономерностям соотношения и взаимопереходов смысложизненного кризиса и кризиса идентичности в развитии личности. Намечены основные линии для дальнейшего теоретического анализа и эмпирической версификации представлений о взаимосвязи смысла жизни с личностной и социальной идентичностью человека. В целом проведенный анализ свидетельствует, что смыслу жизни как психическому явлению присуща полифункциональность – множественность и разнородность функций, выполняемых в контексте развития и функционирования личности.

Ключевые слова: смысл жизни, идентичность, идентификационная функция, статус идентичности, капитал идентичности, нарративная идентичность, смысложизненный кризис, кризис идентичности

Введение

В последние десятилетия в мировой психологии наблюдается рост исследовательского интереса к смыслу жизни, что с особенной силой обнаруживается в таких новых направлениях, как, например, позитивная психология и экспериментальная экзистенциальная психология. В отличие от других наук психология изучает смысл жизни как феномен сознания, компонент структуры личности и регулятор индивидуальной жизнедеятельности, а также как психологический фактор, опосредствующий общение, межличностное взаимодействие и организацию совместной деятельности людей в группах. С самых общих позиций смысл жизни определяется как динамическая система наиболее значимых, устойчивых и обобщенных ценностей личности, придающих ее индивидуальной жизнедеятельности мотивационную привлекательность, эмоциональную насыщенность и сквозную интенциональную направленность. Он характеризуется рядом общих психологических особенностей, в частности,

является онтогенетически поздним новообразованием в структуре личности; имеет системное (многокомпонентное и многоуровневое) строение; служит психологическим основанием для глубинных межличностных различий и т.д.

Одной из существенных особенностей смысла жизни как психического явления выступает его *полифункциональность*, то есть множественность и разнородность функций, выполняемых им в контексте личностного развития и бытия человека. Психологические функции смысла жизни могут быть систематизированы на три основные категории: ведущие, базовые и частные. Базовыми функциями для него, как и для других психических явлений, являются отражательная и регулирующая; последняя, в свою очередь, распадается на такие частные функции, как побуждающая, направляющая, смыслообразующая, оценочная, защитная, коммуникативная, идентификационная, эмансипирующая. Ведущей функцией смысла жизни, которая обеспечивается системным эффектом (синергией) всех вышеперечисленных, является субъектообразующая функция. Она заключается в том, что способствуя овладению и управлению индивидуальной жизнью как единым целым, смысл жизни конституирует личность в качестве ее субъекта.

В предыдущих публикациях были выделены и подробно раскрыты отражательная, регулирующая, оценочная, коммуникативная, эмансипирующая и некоторые другие функции смысла жизни [Карпинский, 2000, 2013, 2014]. Настоящее исследование преследует цель описания его *идентифицирующей (идентификационной) функции*, которая предполагает активную включенность смысла жизни в процессы формирования (конструирования) и сохранения (поддержания) *идентичности* человека.

Смысл жизни и идентичность в контексте классических и современных исследований

Термин «идентичность» своим появлением в понятийном аппарате психологии обязан Э.Эриксону, который использовал его в различных значениях: «В одном случае он относится к сознательному чувству уникальности индивида, в другом – к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, а в третьем – к солидарности с идеалами группы» [Эриксон, 2006, с. 218]. Именно отсюда берет начало известное разделение и даже противопоставление двух видов (компонентов) идентичности – *личностной* и *социальной*. Термин «личностная идентичность» («эго-идентичность»), более традиционный для психологии личности и психологии развития, обозначает чувство самотождественности, целостности, непрерывности и уникальности личности, тогда как термин «социальная идентичность», активнее востребованный в социальной психологии, подразумевает осознание личностью своей принадлежности к определенной социальной группе.

Смысл жизни функционально включен в процессы становления и сохранения как личностной, так и социальной идентичности. Психологический механизм их формирования и функционирования в качестве неотъемлемого звена предполагает наличие некоторого набора *идентификаторов*, то есть признаков, служащих для идентификации личности, установления ее личности и тождества самой себе, а также принадлежности к какой-либо социальной общности. Круг этих признаков весьма широк и разнообразен: от формальных характеристик (пол, возраст, место жительства, социальное положение, телосложение, черты внешности, род занятий, язык общения, знак зодиака и т.д.) до содержательно-личностных свойств (ценности, мотивы, цели, черты характера и т.п.). Как правило, состав идентификаторов, по которым человек распознает и удостоверяет самого себя в разных жизненных контекстах, в ходе возрастного развития изменяется. Содержание признаков и оснований, на которых привычно выстраивается идентичность, может указывать на уровень психологической зрелости-незрелости личности.

Нормальное возрастное развитие идентичности предполагает ряд прогрессивных сдвигов в индивидуальной системе признаков идентификации: от случайных, внешних, узких, конкретных к устойчивым, внутренним, широким, обобщенным критериям. По мере созревания личности среди всевозможных признаков идентификации начинают доминировать внутренние личностно-смысловые основания. Это значит, что в процессах узнавания и опознания самой себя личность ориентируется в первую очередь на уникальный личностный смысл, который приобретают для нее самые различные объекты и явления окружающей действительности. Личностный смысл и стоящие за ним устойчивые

смысловые образования (прежде всего, личностные мотивы и ценности) превращаются с определенного момента в главный идентифицирующий признак личности, а преемственность в осмыслении мира становится залогом самоидентичности, континуальности и непрерывности «Я». Аналогичным образом при попытках идентификации с другими людьми и социальными группами личность больше опирается на сходство и сродство с ними по содержательным, глубинным ценностно-смысловым критериям, все сильнее отвлекаясь от формальных, поверхностных признаков. Зрелая личность, как подчеркивает В.В.Знаков, «структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я – мир» [Знаков, 2007, с. 372].

Представление о том, что смысловая сфера личности и смысловая регуляция ее жизнедеятельности выступают психологическим базисом личной и социальной идентичности, присутствует во многих теоретических подходах и концепциях. Дело в том, что смысловые структуры регулируют жизнедеятельность личности по совершенно особой логике, выражающей ее устойчивое, индивидуализированное, пристрастное отношение к окружающей действительности. Эта логика подразумевает выстраивание личностью собственной жизнедеятельности в соответствии с внутренними переживаниями и представлениями о значимости различных объектов и явлений в контексте целостной жизни. Например, в рамках смыслового подхода к личности данный принцип регуляции именуется «логикой смысла» (Д.А.Леонтьев) или «логикой смысловой необходимости» (Ф.Е.Василюк).

Личность сохраняет чувство тождественности самой себе в той мере, в какой ее повседневная жизнедеятельность определяется логикой ее смысловых отношений. Это обусловлено некоторыми уникальными особенностями смысловой регуляции. Во-первых, специфической особенностью смысловых образований является то, что в их содержании отражено не текущее, наличное состояние, а образ будущего желаемого бытия. В силу этого исключительного свойства только смысловая регуляция открывает перед личностью возможность ориентировать свои действия на далекую перспективу и организовывать их в виде временной прогрессии. Разновременные и разнотипные дела и занятия «сшиваются» смысловыми связями и превращаются в единую пролонгированную и континуальную линию жизнедеятельности личности. Как отмечает Д.А.Леонтьев, «действие, ориентирующееся на смысл – это действие, которое ориентируется на всю систему отношений с миром в целом. Это поведение, в котором учитывается определенным образом вся система отношений с миром и вся дальняя временная перспектива» [Леонтьев, 1999, с. 156]. Для возникновения и поддержания идентичности это важно потому, что внутренняя последовательность и преемственность поведения выступает объективным основанием для переживания личностью своей тождественности и непрерывности во времени и пространстве. Там, где решения и поступки не подчинены личностному смыслу, отсутствует историчность, континуальность и преемственность жизнедеятельности, а значит, невозможна и идентичность личности.

Во-вторых, смысловая регуляция предполагает построение жизнедеятельности согласно внутренним критериям личностной значимости, обеспечивает сообразность ее протекания ценностям, мотивам и другим устойчивым смысловым структурам личности. Субъективным эффектом такой регуляции выступает переживание осмысленности, авторства и подлинности («это Я» и «это мое») принимаемых решений и совершаемых поступков. В философской и психологической литературе это субъективное переживание описывают с помощью понятий «авторства» (М.К.Мамардашвили), «подлинности» (М.М.Бахтин), «верности самой себе» (С.Л.Рубинштейн), «аутентичности» (Дж.Бьюдженталь), «конгруэнтности» (К.Роджерс), «самоответствия» (К.Шелдон) и т.д. Смыслообразность решений и поступков позволяет испытать всю гамму чувств, которые играют роль внутренних сигналов, подтверждающих и подкрепляющих идентичность личности. И, напротив, при совершении решений и поступков, которые не сообразуются с мотивами и ценностями личности, она ощущает их бессмысленность, чуждость и неподлинность («не мое» и «не Я»), что и служит субъективным индикатором временной потери идентичности. Такое состояние в ряде философских, психологических и социологических концепций фиксируется понятием «отчуждение» [Карпинский, 2015; Осин, Леонтьев, 2007]. Расстройства идентичности как «ощущения тождества и целостности» [Эрикссон, 2006, с. 28] наступают именно по причине нарушения смысловой регуляции (смыслообразности) и отчуждения личности от собственной жизнедеятельности.

В свете изложенного проясняется общее назначение смысла жизни в психологическом механизме становления и поддержания личностной и социальной идентичности человека. Сущность

идентификационной функции смысла жизни проявляется в том, что он служит в качестве *субъективного идентификатора* – того содержания внутреннего мира (самосознания), на основании которого человек: 1) устанавливает тождественность, непрерывность и континуальность собственного «Я»; 2) соотносит себя с другими людьми, социальными группами, обществами и культурами, определяет собственное подобие и принадлежность к ним, вырабатывает чувство солидарности и сопричастности. Другими словами, смысл жизни выступает *психологическим средством*, с помощью которого осуществляются операции сопоставления, противопоставления и идентификации в системах отношений «Я – не Я» (личностная идентичность) и «Я – Мы – Они» (социальная идентичность). Идентификационная функция, таким образом, является частной производной от общей регулирующей функции смысла жизни.

Несмотря на инвариантность идентификационной функции смысла жизни, психологические механизмы ее реализации в отношении личностной и социальной идентичности несколько различны. В контексте становления личностной идентичности решающее значение имеет то, что смысл жизни является наиболее устойчивой и обобщенной «инстанцией» смысловой регуляции, занимающей центральное место в смысловой сфере личности и соотносимой с индивидуальной жизнедеятельностью в целом. Поведение, регулируемое такой инстанцией, достигает наивысшей степени связности, последовательности и преемственности, что делает смысл жизни незаменимым источником и надежной опорой для чувства тождественности, непрерывности, целостности и узнаваемости личности для самой себя, то есть для личностной идентичности. Что касается социальной идентичности, то здесь необходимо учитывать, что индивидуальный смысл жизни онтогенетически ведет свое происхождение от смыслообразующих ценностей, выработанных в жизнедеятельности значимых персон, социальных групп, общества и культуры. Вместе с присвоением этих ценностей личность приобретает устойчивую идентификацию с людьми и сообществами, которые разделяют и практикуют в своей жизнедеятельности содержательно близкие и идентичные смыслы. И пока личность сохраняет внутреннюю приверженность этим смыслам, они сообщают ей чувства принадлежности, близости, сопричастности, солидарности с людьми (в данном случае уже не единомышленниками, а «единосмысленниками»), через которых она приобщилась к соответствующим смыслообразующим ценностям.

С этой точки зрения социальная идентичность опосредствует смысложизненный выбор личности, который всегда осуществляется в пространстве ценностных альтернатив, заданных значимыми другими и социальными группами. Причем идентичность, сконструированную на основе смысла жизни, отличается большей глубиной и прочностью по сравнению со всеми социальными идентификациями, базирующимися на признаках формального сходства. Немаловажное значение имеет содержание индивидуального смысла жизни, которое позволяет личности избирательно идентифицироваться с человеческими общностями разной направленности (от антисоциальной до просоциальной), и масштаба (от первичной семьи до совокупного человечества). Как справедливо отмечает Д.А.Леонтьев, «освоение любой культуры основано на идентификации с соответствующей социальной общностью, начиная с семьи и кончая человечеством в целом. Когда я осознаю себя как гражданина мира, мне открываются надэтнические, наднациональные, общечеловеческие ценности, общечеловеческая культура» [Леонтьев, 2004, с. 15].

Процессы становления смысла жизни и формирования идентичности до определенного момента образуют относительно самостоятельные, непересекающиеся линии личностного развития. Однако в подростковом возрасте впервые происходит их скрещивание, в результате чего отыскание смысла индивидуальной жизни превращается в ключевое условие выработки идентичности. По авторитетному мнению В.Франкла, «это наиболее актуально в период полового созревания, когда подросток озабочен проблемами идентичности, а найти свою идентичность он может наиболее эффективным образом, найдя смысл жизни» [Франкл, 1990, с. 270]. В последующие периоды онтогенеза динамика идентичности в значительной мере детерминирована и неразрывно увязана с процессами поиска, обретения и утраты личностью смысла собственной жизни.

В принципе, идея о тесной взаимосвязи со смыслом жизни «витают» в классических и современных подходах к пониманию психологической сущности, генезиса, структуры и функций идентичности, начиная с основополагающих работ Э.Эриксона. Личностная идентичность определялась им как «чувство тождественности самому себе (несмотря на происходящие в процессе развития изменения), целостности, непрерывности своего существования во времени и пространстве» [Эриксон, 1996,

с. 58]. Ключевой стадией развития этого чувства выступает отрочество (11–20 лет), когда впервые за все предшествующие годы складывается целостная конфигурация ролей, идеалов и ценностей, интегрированных в форму ясной жизненной перспективы. «Установившаяся к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время и изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого» [Эриксон, 2006, с. 171]. При неудачном протекании этой стадии наблюдается диффузия, или спутанность идентичности, которой сопутствуют сомнения относительно своего места в жизни, переживания бессмысленности и скуки, дефицит идеалов и ценностей, в которые личность могла бы уверовать.

Дальнейшее развитие идея взаимосвязи смысла жизни с идентичностью получила в ряде постэриксонских подходов, в том числе в концепциях: 1) статусов идентичности Дж.Марсия; 2) капитала идентичности Дж.Котэ; 3) нарративной идентичности (Д.МакАдамс, Дж.Сингер, Е.Е.Сапогова).

В концепции Дж.Марсия выделяются четыре статуса (состояния) идентичности, которые трактуются двояко: с одной стороны, в качестве ее психологических типов, а с другой – в качестве этапов ее развития. Статусы идентичности определяются на пересечении двух критериев: принятие или непринятие обязательств (commitment) – наличие или отсутствие приверженности значимым убеждениям, целям и ценностям; кризис, или исследование альтернатив (crisis, exploration of alternatives) – прохождение или непрохождение кризиса, связанного с активным поиском, отбором и ревизией жизненных ценностей, целей и идеалов. В соответствии с этим дифференцируются: «диффузная идентичность» (непринятие обязательств, непрохождение кризиса), «предрешенная идентичность» (принятие обязательств без прохождения кризиса), «мораторий» (непринятие обязательств, текущий открытый кризис), «достигнутая идентичность» (принятие обязательств вследствие прохождения кризиса) [Marcia, 1966]. По мнению Дж.Марсия, измерение «принятие-непринятие обязательств» является определяющим для статуса идентичности, потому что центром идентичности служит стройная и устойчивая система жизненных ценностей, придающих определенную направленность личному будущему. Измерение «исследование альтернатив» является дополнительной характеристикой статуса идентичности, так как раскрывает способ формирования – присвоение или самостоятельное конструирование – индивидуальной системы ценностей. «Идентичность переживается как внутреннее ядро, наделяющее смыслом и значимостью окружающий мир. Это ядро может быть присвоено или выработано самостоятельно. Тот, кто обладает присвоенной идентичностью, воспринимает свое будущее как исполнение ожиданий; тот, кто сам сконструировал свою идентичность, воспринимает будущее как самореализацию» [Marcia, 1993, p. 8].

Нетрудно заметить, что критерии разграничения статусов идентичности содержательно перекликаются с результативным (переживание осмысленности или бессмысленности жизни) и процессуальным (поиск смысла жизни) аспектами смысла жизни. Критерий «принятие-непринятие обязательств» концептуально близок к тому, что в другой терминологии описывается как «осмысленность-бессмысленность жизни» [Crumbauch, 1977], «присутствие-отсутствие смысла в жизни» [Steger et al., 2006]; критерий «поиск альтернатив» корреспондирует с «поиском нозетических целей» [Crumbauch, 1977], «поиском смысла жизни» [Steger et al., 2006]. Примечательно то, что «исследование альтернатив» и «поиск смысла жизни» единообразно расцениваются как кризисы личностного развития, только в первом случае речь идет о кризисе идентичности, а во втором – о смысложизненном кризисе (подробнее см. [Карпинский, 2015, с. 235–246]). Проводились единичные эмпирические исследования, сопрягающие разные статусы идентичности с уровнем выраженности такой переменной, как осмысленность жизни, измеренной опросником PII на небольших выборках (56 человек). Их результаты показали, что молодые люди в кризисном статусе (мораторий) существенно уступают своим сверстникам в бескризисном статусе (достигнутая идентичность) по уровню осмысленности и целенаправленности жизни ($p = 0,03$) [Cote, Levine, 1983].

Отталкиваясь от междисциплинарных понятий человеческого и культурного капитала, канадский социолог и социальный психолог Дж.Котэ предложил концепцию капитала идентичности (identitycapital), которая, по его убеждению, более адекватно, чем подходы 1960–70 гг., отражает своеобразные трудности, вариативные условия и многовекторные маршруты формирования идентичности в обществе постмодерна [Cote, 1996, 1997]. В отличие от содержательно определенной и фиксированной идентичности, устанавливаемой личностью на более-менее длительный срок, капитал идентичности подразумевает, прежде всего, личностную способность к

гибкой адаптации и модификации идентичности в динамично меняющемся социальном мире. По мысли Дж.Котэ, капитал идентичности – это система внешних (социальных, материальных, физических) и внутренних (психологических) ресурсов, которые позволяют их обладателю эффективно самоопределяться вопреки растущей социальной неопределенности и нестабильности. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет блок внутренних ресурсов, включающих индивидуально-психологические свойства личности и обобщаемых термином «агентность» (agency). Конкретно под агентностью понимается «чувство ответственности за выбор индивидуального жизненного пути, убежденность в способности принимать самостоятельные решения и контролировать их последствия, а также уверенность в способности преодолеть обстоятельства, которые могут помешать в реализации выбранного жизненного пути» [Schwartz et al., 2005, p. 207]. Агентность – это собирательное понятие, в содержание которого Дж.Котэ вкладывает целый комплекс личностных свойств, а именно высокое самоуважение, силу эго, черты самоактуализирующейся личности, интернальный локус субъективного контроля, критическое мышление, нравственную зрелость, и, что заслуживает особого внимания, *наличие смысла в жизни*. Уникальность смысла жизни как ресурса самоопределения и формирования идентичности усматривается в том, что он «фасилитирует выбор жизненного пути и процесс его долгосрочного планирования, увеличивая тем самым вероятность осуществления высокозначимых личных и профессиональных целей» [Cote, Schwartz, 2002, p. 575]. В плоскости эмпирического изучения агентность операционализируется композитным (суммарным) показателем Многомерной шкалы агентности (Multimeasure Agentic Personality Scale – MAPS), интегрирующей оригинальные шкалы диагностики вышеперечисленных конструкторов, в том числе и сокращенный вариант опросника PII Дж.Крамбо и Л.Махолика. Специальный факторный и консистентный анализ показывает, что уровень осмысленности жизни является самым статистически весомым компонентом внутренней структуры агентности [Schwartz et al., 2005, p. 218].

В рамках обсуждаемой концепции получены эмпирические доказательства функциональной взаимосвязи смысла жизни и идентичности. Обнаружено, что общий уровень осмысленности жизни в составе агентности выступает положительным коррелятом достигнутой идентичности ($r = 0,32 \sim 0,48$, $p < 0,001$) и негативным коррелятом всех промежуточных статусов. Пониженная осмысленность жизни особенно характерна для кризисных форм идентичности – диффузии ($r = -0,15 \sim -0,42$, $p < 0,05 \sim 0,001$) и моратория ($r = -0,18 \sim -0,39$, $p < 0,01 \sim 0,001$) [Cote, Schwartz, 2002]. Также было выявлено, что высокая осмысленность жизни предсказывает не только текущий статус, но и процессуальные способы формирования идентичности (identity-processing orientations), то есть стратегии решения этой задачи личностного развития. При наличии смысла в жизни наибольшую приемлемость показала конструктивная стратегия (informational orientation), ориентированная на автономное и своевременное решение данной задачи на основе опробования и перебора альтернативных идентичностей ($\beta = 0,61$, $p < 0,001$). И, напротив, наименее приемлемой оказалась стратегия игнорирования и уклонения от решения данной задачи (diffuse / avoidant orientation) ($\beta = -0,25$, $p < 0,01$) [Schwartz et al., 2005, p. 217]. В ряде исследований установлено, что смысл жизни в числе других «агентных» (субъектных) свойств личности представляет сильный значимый предиктор консолидации идентичности ($\beta = 0,26 \sim 0,39$, $p < 0,001$), то есть становления ее зрелых здоровых форм [Schwartz, 2006]. Вместе взятые эти результаты свидетельствуют о функциональной значимости смысла жизни для развития и поддержания идентичности.

Наконец, еще одной современной областью, тесно смыкающей идентичность со смыслом жизни, являются исследования нарративной идентичности (narrative identity). По определению Дж.Сингера, это направление психологии личности, изучающее «каким образом люди используют нарративы для формирования и поддержания чувства целостности и осмысленности жизни на основании разнообразного жизненного опыта» [Singer, 2004]. Наиболее разработанным подходом в рамках данного направления является концепция идентичности как жизненной истории (life story model of identity) Д.МакАдамса [McAdams, 2001]. С точки зрения этой концепции, жизненная история и есть нарративная форма существования идентичности, в которой за счет смыслового связывания прошлого, настоящего и будущего личность достигает ощущения континуальности, непрерывности и тождественности самой себе во времени жизни. Она конструирует жизненную историю для того, чтобы из разрозненных биографических эпизодов извлечь смысл целой жизни, то есть нарративная идентичность выполняет смыслообразующую функцию. Как пишет Д.МакАдамс с коллегами, «нарративная идентичность определяется внутренней динамической жизненной историей, которая создается индивидом для придания смысла собственной жизни» [Bauer et al., 2008, p. 81]. Но так как

смысл жизни задает общую схему упорядочивания и сборки отдельных частей жизненного опыта в целостную жизненную историю, то он выполняет идентификационную функцию, то есть управляет построением нарративной идентичности. Благодаря стабильности смысла жизни новый жизненный опыт непротиворечиво встраивается, ассимилируется в существующую жизненную историю. Тем самым обеспечивается прочное чувство, что человек остается тем, кем был прежде, и все события в его жизни происходят именно с ним, а не с кем-то другим.

В последние годы идея нарративной идентичности получила продуктивное развитие в российской психологии, прежде всего, в работах Е.Е.Сапоговой [Сапогова, 2013, 2014]. По мнению данного исследователя, автобиографирование, или нарратизация – это интегральный психический процесс, который осуществляет переработку жизненного (фактического) опыта и его трансформацию в экзистенциальный (смысловой) опыт. Идентичность («Я»), как продукт такой переработки, являет собой систему экзистенциально-личностных смыслов, стержень которой образован смыслом индивидуальной жизни. «Создавая и рассказывая автобиографические и квазибиографические истории, субъект конструирует, верифицирует, удостоверяет в них собственное «Я», и, фактически, порождает его для себя и для других как самобытную смысловую систему. ...В автобиографировании появляется возможность выделять в непрерывном жизненном пути отдельные, субъективно завершённые фрагменты и придавать им смысл, тем самым постепенно охватывая процесс осмысления все больший объем собственного жизненного пути» [Сапогова, 2014]. Таким образом, и в данной концепции прослеживается идея взаимной обусловленности смыслообразующей функции жизненной истории и идентифицирующей функции смысла жизни.

Несмотря на давность вопроса о функциональной роли смысла жизни в развитии идентичности, попытки получить эмпирически обоснованный ответ на него еще малочисленны. Некоторые современные исследователи идею о том, что «обнаружение смыслов в жизни, конструирование личной идентичности и обнаружение человеком своего места в этом мире взаимосвязаны» [Вульфсон, 2014, с. 172], вообще причисляют к разряду перспективных эмпирических гипотез. Целостно обзревая историю развития данной проблемы, можно констатировать тенденцию к сближению, а в последнее десятилетие – даже к слиянию понятий «смысл жизни» и «идентичность». Если в литературе 1960–2000-х годов они рассматривались в качестве тесно взаимодействующих, но все-таки отдельных феноменов, то современные исследования больше тяготеют к введению смысла жизни внутрь психологической структуры идентичности. В качестве подтверждения сошлемся на недавние исследования, в которых смысл жизни толкуется как составной компонент идентичности. Так, в работе Ш.Робертс и Дж.Котэ он обозначается термином «мировоззрение» (worldview) и включается в строение социальной идентичности [Roberts, Cote, 2014], а в исследовании Л.Киан он рассматривается как ядерное образование, присущее этнической идентичности и объясняющее ее положительное влияние на социально-психологическую адаптацию, академическую успешность и психологическое благополучие подростков [Kiang, Fuligni, 2010].

Смысл жизни и социальная идентичность личности

Как показывает предшествующее изложение, подавляющая часть психологических исследований, смыкающих феномены смысла жизни и идентичности, выполнена в русле персонологической традиции, проистекающей из теории Э.Эриксона. Однако смысложизненная проблематика до сих пор сравнительно слабо соотнесена с социально-психологической традицией изучения идентичности, восходящей к теориям А.Тэшфела и Дж.Тернера. Вместе с тем есть основания полагать, что мотивационную основу процессов социальной категоризации и идентификации составляет не только потребность в позитивной самооценке (самоуважении), как это принято считать в данных теориях, но и экзистенциальные потребности, в том числе потребность в смысле жизни. В этой связи процесс социальной категоризации оказывается необходимым инструментом для ориентировки личности в объективно существующих системах смысложизненных ценностей, выработанных в жизнедеятельности социальных групп, а отнесение себя к определенной социальной группе (самокатегоризация) и принятие позитивной социальной идентичности выступает важным способом обретения, поддержания и восстановления индивидуального смысла жизни. Сложившийся у личности смысл жизни, в свою очередь, цементирует ее избирательную идентификацию с социальной группой и становится внутриличностным фактором пристрастного оценивания ингруппы по сравнению с аутгруппами.

Первый шаг в эмпирическом изучении связей смысла жизни и социальной идентичности был сделан Е.Кастано и коллегами. В серии экспериментов им удалось показать, что в ответ на мысли и переживания по поводу смерти, которая сама по себе является фундаментальной угрозой для смысла и осмысленности жизни, люди реагируют повышением привлекательности ингруппы и обесцениванием аутгрупп – по сути, усилением сформировавшейся у них социальной идентичности. Выявленную закономерность авторы объясняют тем, что у индивида нет более надежного способа достижения осмысленности жизни и преодоления страха смерти, чем символическое бессмертие, то есть запечатление в коллективной памяти социальной группы, с которой индивид себя устойчиво идентифицирует [Castano et al., 2002, 2004]. Однако в силу того, что в данных экспериментах у испытуемых индуцировалась тревога смерти, а не ощущение бессмысленности, полученные результаты все-таки носят характер косвенных доказательств. На текущий момент единственным исследованием, непосредственно выявляющим взаимосвязи смысла жизни с динамикой процессов социальной категоризации и идентификации, остается цикл экспериментов В.Тильбурга и Э.Игоу [van Tilburg, Igou, 2011]. В этих экспериментах производилась прямая индукция переживаний бессмысленности и скуки, что влекло за собой существенные сдвиги в оценках привлекательности ингруппы и аутгрупп. Общая закономерность сдвигов заключалась в возрастании внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации, что, в свою очередь, приводило к восстановлению уровня осмысленности. Данная закономерность убедительно показывает, что социальная идентичность выступает неотъемлемым звеном регуляторного механизма «бессмысленность и скука → социальная категоризация и идентификация → осмысленность». Обобщая полученные результаты, сами авторы констатируют: «Социальная идентификация служит стратегией, нацеленной на достижение или сохранение осмысленности индивидуальной жизни» [van Tilburg, Igou, 2011, p. 1681].

Прямое отношение к обсуждаемой проблеме также имеет исследование, проведенное коллективом американских психологов и посвященное анализу влияния социальной эксклюзии на осмысленность жизни. В отличие от социологической науки, где термин «эксклюзия» означает объективно сложившуюся ситуацию отвержения, дискриминации и изоляции индивида в обществе, в контексте социально-психологического исследования она рассматривается преимущественно как психическое состояние личности – субъективное осознание и переживание дефицита принадлежности к социальным группам и невключенности в межличностные отношения. Типичным поводом для возникновения подобного состояния является игнорирование и отвержение (остракизм) личности со стороны субъективно значимых персон и групп, ввиду чего эксклюзию можно психологически охарактеризовать как чувство неподтвержденной социальной идентичности. Специально организованный эксперимент, представляющий собой ситуацию преднамеренного игнорирования и отвержения испытуемого со стороны подставных участников, показал, что переживание эксклюзии обуславливает снижение уровня общей осмысленности жизни [Stillman et al., 2009]. Если социальная идентичность служит своего рода психологическим «каналом», через который личность подключается к разделяемым группой ценностям, то неподтверждение социальной идентичности закономерно ограничивает доступ к этим ценностям как актуальным или потенциальным источникам индивидуального смысла жизни.

В целом, несмотря на неполноту и мозаичность, имеющиеся сведения позволяют сделать вывод о тесной функциональной взаимосвязи смысла жизни и социальной идентичности личности. Учитывая двунаправленный характер данной связи, обосновано говорить, во-первых, об *экзистенциальной функции социальной идентичности* (социальная идентичность как психологический «буфер», защищающий от различных форм экзистенциального неблагополучия – страха смерти, чувства бессмысленности жизни, переживания одиночества и изоляции и т.д.) и, во-вторых, об *идентификационной функции смысла жизни* (смысл жизни как внутренний «идентификатор», обеспечивающий возможность ориентироваться в пространстве социальных групп и их ценностей при формировании и поддержании личностью чувства своей групповой принадлежности).

Смысложизненный кризис как кризис личностной и социальной идентичности

Идентификационная функция смысла, не всегда заметная при повседневном литическом течении жизни, становится явной в ситуации смысложизненного кризиса, который сопровождается ее

выпадением, повреждением либо расстройством. Утрата смысла жизни ведет если не к полной потере, то по меньшей мере к диффузии, спутанности, размыванию идентичности, о чем обычно сигнализируют сомнения в себе, непонимание себя, внутреннее смятение, потерянности и дезориентация. В этой связи правомерно утверждать, что *кризис идентичности является неизбежным спутником смысложизненного кризиса* в силу «коморбидности» этих состояний и свойственности им пусть и не единых, но во многом общих причин и механизмов. Рассмотрение данных кризисов как смежных феноменов личностного развития оправдано и традиционными [Эрикссон, 2006], и современными воззрениями [Андреева, 2011; Белинская, 2005; Марцинковская, 2016], согласно которым ключевая задача личности при прохождении кризиса идентичности сводится к выработке цельной и непротиворечивой системы ценностей, задающих общую направленность ее жизненных решений, выборов, поступков. Иными словами, кризис идентичности – это период активных поисков уникального смысла, дающего личности ясное понимание самой себя и своего места в жизни, то есть позволяющего достичь устойчивой идентичности. Как отмечает известный российский философ В.А.Лекторский, «в самых развитых странах сегодня становится все более распространенным явление потери жизненного смысла, т.е. кризиса основных ценностных и мировоззренческих ориентаций. А поскольку именно эти ориентации составляют основу личностной идентичности – образуют представления индивида о самом себе и о мире, о том, что хорошо и плохо, что дозволено и недозволено и т.д., то ценностный кризис необходимо влечет кризис индивидуальной идентичности» [Лекторский, 2009, с. 617].

Сказанное выше адресовано в основном личностной идентичности, но в смысложизненном кризисе задетой оказывается и социальная идентичность – чувство общности с определенными людьми и осознание принадлежности к определенным социальным группам. Некоторые психологи и психотерапевты акцентируют тот факт, что к феноменологии смысложизненного кризиса нередко примешиваются переживания социальной изоляции, межличностного отчуждения, одиночества, недостаток чувства общности, социального интереса, солидарности и т.п. [Осин, Леонтьев, 2007; Ялом, 1998; Adler, 1986; Maddi, 1967]. В сумме подобные переживания указывают на кризис социальной идентичности, наступающий в порядке осложнения смысложизненного кризиса, то есть как вторичное и аккомпанирующее ему состояние. Однако связь смысложизненного кризиса с кризисом социальной идентичности этим не исчерпывается. *В то время как смыслу жизни присуща идентифицирующая функция, всякая социальная идентификация несет смыслообразующую функцию* – по существу, выступая психологическим «каналом», через который личность получает доступ к смысложизненным ценностям референтных персон и социальных общностей с тем, чтобы присвоить и трансформировать эти ценности в смыслы собственной жизни. Поэтому связь смысла жизни с социальной идентичностью имеет как прямую, так и обратную сторону. Это означает, что в кризисном развитии личности возможно не только движение от смыслоутраты к кризису социальной идентичности, но и путь от распада, деструкции социальной идентичности к смысложизненному кризису. Этот путь наиболее явным образом эксплицирован в психолого-культурологической концепции А.М.Лобок, где именно разрыв первичных социальных идентификаций личности рассматривается как предпосылка возникновения смысложизненного кризиса. Как подчеркивает сам автор, «до той поры, пока человеку удастся идентифицировать себя с тем или иным «мы», проблема и переживание утраченного или несуществующего смысла у него не возникает. ...Момент обнаружения своего индивидуального «Я» как не совпадающего с теми или иными заранее существующими «мы» – это и есть момент возникновения смысложизненного кризиса» [Лобок, 2005, с. 30 – 31].

Заключение

Таким образом, идентификационная функция смысла жизни выражается в том, что он является одной из ядерных структур, конституирующих идентичность личности. В процессах порождения идентичности смыслу жизни отведена роль идентификатора – своеобразного внутреннего критерия, по которому личность производит операции сравнения, отождествления и противопоставления в системах отношений «Я – не Я» и «Я – Мы – Они», то есть соотносит себя с самой собой, а также с другими людьми и социальными общностями. Идентификационная функция представляется частной конкретизацией общей регуляторной функции смысла жизни в преломлении на указанные выше специфические системы отношений личности. В силу наличия у смысла жизни данной функции смысложизненный кризис обычно провоцирует и нагнетает кризисы личностной и социальной идентичности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г16Р-048 «Смысложизненные ориентации и рискованное поведение подростков в современной России и Беларуси».

Литература

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, 2(20), 1.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Вульфсон Е.Г. Обнаружение смысла как фактор конструирования личной идентичности. В кн.: Теоретические и практические исследования в психологии и педагогике. М.: МНЦП, 2014. С. 168–172.

Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007.

Карпинский К.В. Коммуникативная функция смысла жизни. В кн.: А.А. Бодалев (Ред.), Психология общения-2000: проблемы и перспективы: сборник научных статей. М.: Психология, 2000. С. 127–128.

Карпинский К.В. Отражательная функция смысла жизни. В кн.: Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельникова, Т.А. Попова (Ред.), Психологические проблемы смысла жизни и акме: Сборник материалов XVIII симпозиума. М.: Психологический институт РАО, 2013. С. 28–32.

Карпинский К.В. Оценочная функция смысла жизни. В кн.: В.Э. Чудновский, К.В. Карпинский (Ред.), Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 71–118.

Карпинский К.В. Смысл жизни как многофункциональная психическая система. В кн.: Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельникова, Т.А. Попова (Ред.), Психологические проблемы смысла жизни и акме: Сборник материалов XIX симпозиума. М.: Психологический институт РАО, 2014. С. 21–27.

Карпинский К.В. Смысложизненный кризис в развитии личности: анализ концепций отечественной и зарубежной психологии. Гродно: ГрГУ, 2015.

Карпинский К.В. Эмансипирующая функция смысла жизни: психологическая сущность и механизмы. В кн.: В.А. Мазилев, К.В. Карпинский (Ред.), Актуальные проблемы психологии личности. Гродно: ГрГУ, 2016. С. 103–144.

Лекторский В.А. О проблеме смысла жизни и смерти. В кн.: А.А. Гусейнов (Ред.), Человек – наука – гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова. М.: Наука, 2009. С. 615–620.

Леонтьев Д.А. Мироззрение как миф и мироззрение как деятельность. В кн.: В.И. Кабрин, О.И. Муравьева (Ред.), Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 11–29.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

Лобок А.М. Деятельность смысла. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 26–36.

Марцинковская Т.Д. Социализация в эпоху транзитивности: методологический аспект. Психологический журнал, 2016, 37(5), 14–21.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение. Культурно-историческая психология, 2007, No. 4, 68–77.

Сапогова Е.Е. Семантика личной жизни: экзистенциально-нарративный анализ автобиографических историй. Тула: ТулГУ, 2014.

Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013.

Франкл В. [Frankl V.] Московские лекции 1986 года. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. С. 245–273.

Эриксон Э. [Ericson E.] Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Эриксон Э. [Ericson E.] Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.

Ялом И. [Yalom I.] Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1998.

Adler A. Sens zycia. Warszawa: PWN, 1986.

Bauer J.J., McAdams D.P., Pals J.L. Narrative identity and eudaimonic well-being. Journal of Happiness Studies, 2008, 9(1), 81–104.

Castano E., Yezerbyt V., Paladino M.-P. Transcending oneself through social identification. In: J. Greenberg, L. Koole, T. Pyszczynski (Eds.), Handbook of experimental existential psychology. New York, NY: Guilford, 2004. pp. 305–321.

Castano E., Yezerbyt V., Paladino M.-P. I belong therefore I exist: Ingroup identification, ingroup entitativity, and ingroup bias. Personality and Social Psychology Bulletin, 2002, Vol. 28, 135–143.

Cote J.E. An empirical test of the identity capital model. Journal of Adolescence, 1997, Vol. 20, 421–437.

Cote J.E., Schwartz S.J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: identity status, identity capital, and the individualization process. Journal of Adolescence, 2002, 25(6), 571–586.

Cote J.E., Levine C. Marcia and Erikson: The Relationships Among Ego Identity Status, Neuroticism, Dogmatism, and Purpose in Life. Journal of Youth and Adolescence, 1983, 12(1), 43–53.

Cote J.E. Sociological perspectives on identity formation: the culture-identity link and identity capital. Journal of Adolescence, 1996, 19(5), 419–430.

Crumbaugh J.C. The seeking of Noetic Goals Test (SONG): A complementary scale to the Purpose-in-Life Test (PIL). Journal of Clinical Psychology, 1977, 33(3), 900–907.

Kiang L., Fuligni A.J. Meaning in Life as a Mediator of Ethnic Identity and Adjustment Among Adolescents from Latin, Asian, and European American Backgrounds. Journal of Youth and Adolescence, 2010, Vol. 39, 1253–1264.

Maddi S.R. The Existential Neurosis. Journal of Abnormal Psychology, 1967, 72(4), 311–325.

Marcia J.E. The ego identity status approach to ego identity. In: A.S. Waterman, D.R. Matteson (Eds.), Ego identity: A handbook for psychosocial research. New York, NY: Springer, 1993. pp. 1–21.

Marcia J.E. Development and validation of ego identity status. Journal of Personality and Social Psychology,

1966, 5(3), 551–558.

McAdams D.P. The psychology of life stories. *Review of General Psychology*, 2001, 5(2), 100–122.

Roberts S.E., Cote J.E. The Identity Issues Inventory: Identity Stage Resolution in the Prolonged Transition to Adulthood. *Journal for Adult Development*, 2014, 21(6), 225–238.

Schwartz S.J., Cote J.E., Arnett J.J. Identity and Agency in Emerging Adulthood: Two Developmental Routes in the Individualization Process. *Youth and Society*, 2005, 37(2), 201–229.

Schwartz S.J. Predicting identity consolidation from self-construction, eudaimonistic self-discovery, and agentic personality. *Journal of Adolescence*, 2006, 29(1), 777–793.

Singer J.A. Narrative identity and meaning-making across the adult lifespan: An introduction. *Journal of Personality*, 2004, 72(3), 437–460.

Steger M.F., Frazier P., Oishi S., Kaler M. The Meaning in Life Questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life. *Journal of Counseling Psychology*, 2006, 53(1), 80–93.

Stillman T.F., Baumeister R.F., Crescioni A.W. Alone and without purpose: Life loses meaning following social exclusion. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009, 45(4), 686–694.

Van Tilburg W.A.P., Igou E.R. On Boredom and Social Identity: A Pragmatic Meaning-Regulation Approach. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011, 37(12), 1679–1691.

Поступила в редакцию 10 июля 2017 г. Дата публикации: 23 октября 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Карпинский Константин Викторович. Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. БЛК, д. 21, 230000 Гродно, Беларусь.

E-mail: karpkostia@tut.by

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Карпинский К.В. Идентификационная функция смысла жизни. *Психологические исследования*, 2017, 10(55), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Карпинский К.В. Идентификационная функция смысла жизни // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10, № 55. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1473-karpinski55.html>

[К началу страницы >>](#)